

С.В. Богданов

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СССР В 1930–50-х гг.: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ФОРМЫ ПРОТЕКАНИЯ, СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ

На рубеже 1920–1930-х гг. в советском обществе повеяло духом перемен. Оно все стремительнее лишалось революционного запала периода «военного коммунизма». Среди молодежи широкое распространение получил правовой нигилизм, повсеместно выплескивавшийся в хулиганство, пренебрежение к ценностям, морали и идеологии большевизма. Сытая жизнь с ее многочисленными соблазнами, образ жизни преуспевающего нэпмана для многих теперь уже являлись новыми жизненными стандартами, к которым необходимо было стремиться. В целом, десятилетие после окончания гражданской войны напоминало огромный клубок противоречий, в котором уже трудно было найти концы, которые бы его распутали.

Такое ощущение безысходности конца 1920-х гг. не покидало многих граждан Советской России, начиная от простого обывателя и заканчивая низовыми партийными функционерами. Для высшего партийного и государственного руководства страны вопрос фактически был решен однозначно: новая экономическая политика должна быть решительно свернута. Более того, по мысли высшей политической элиты страны, дальнейшее ее углубление и продолжение этой линии будут губительными для страны¹.

Выход на новые рубежи строительства подлинно социалистического общества оказался возможен на антитезе НЭПу: наступления на частного хозяйчика, ликвидации безработицы, чистке государственного аппарата, борьбы за соблюдение законности, укрепление дисциплины на всех участках государственного строительства. Для этого было мало запретить частного предпринимателя, подавить хозяйчиков налогами, нанести удар по спекулянтам, «теневикам», обычным уголовникам, схватить за руку совслужащего-взяточника. Необходимо было освобо-

дить общество от «скверны» стяжательства, индивидуализма, торгашества. Необходимо было вселить в него дух оптимизма, созидания. Все то, что мешало этой стратегической задаче должно быть решительно убрано.

«Моральное возрождение» сопровождалось масштабным наступлением на идеологическом фронте. Как результат, серьезной корректировке была подвергнута беспристрастная наука о количественных явлениях в обществе — статистика. И, прежде всего, статистика всего того негатива, который всегда в тех или иных масштабах существовал в обществе. Достаточно наглядно это проявилось в статистике трудовых конфликтов в СССР.

Запрет разглашения в средствах массовой информации сведений о забастовках и других коллективных акциях протеста был сформулирован в секретной «Краткой инструкции — перечне об охране гостайн в печати» от 12 августа 1930 г. следующим образом: «не разрешается оглашать в печати сведения о забастовках, массовых антисоветских манифестациях, а также о беспорядках и волнениях в домах заключения и концентрационных лагерях»².

Характерна в этом смысле реакция И.В. Сталина на публикацию материалов в прессе, косвенно дававшим оценку забастовкам в Иваново-Вознесенской промышленной области весной 1932 г.

31 мая 1932 г. в «Правде» была опубликована статья главного редактора этой газеты «Перестроиться надо немедленно». В статье резко критиковалось бывшее партийное руководство Ивановской области³. Хотя в информации даже ни словом не упоминалось о волне забастовок среди текстильщиков, которые в отдельных случаях перерастали в серьезные акции протеста, как это имело место в Вычуге.

5 июня 1932 г. И.В. Сталин, находясь на отдыхе в Сочи, достаточно в резком тоне телеграфировал членам Политбюро: «Протестую против опубликования в «Правде» статьи Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске и смене там партруководства. Статья — явно неправильная с фактической стороны и вредная политически. Своей статьей Ярославский дал иностранным корреспондентам возможность писать о «новом Кронштадте», якобы «диктовавшем последние решения ЦК и СНК о колхозной торговле». Кто дал Ярославскому право выступать с такой статьей, наносящей вред партии и явно вы-

годной нашим врагам? Почему редакция «Правды» допускает такие безответственные выступления? Почему дают Ярославскому безконтрольное право пользоваться оружием, которым он не владеет и которым сплошь и рядом злоупотребляет во вред партии? Нельзя ли этому положить конец?»⁴.

Запрет на обнаружение различных проявлений протеста в советском обществе вовсе не означал, что эти явления исчезли из производственной жизни страны, а власть они перестали интересовать. Просто отслеживание, сбор и обработка информации переместились в исключительную компетенцию органов государственной безопасности (ОГПУ-НКВД).

С полным основанием можно утверждать, что формы протекания несогласия с существующими порядками в сфере трудовых отношений всегда были весьма разнообразными. Однако такого явления как массовая текучесть кадров первой половины 1930-х гг. российская история трудовых ресурсов не знала никогда. Бегство рабочих с предприятий в первые годы первой пятилетки действительно приобрело совершенно неуправляемый характер. Это был самый простой способ нарушить формирующийся порядок в сфере труда, заработной платы, производственной дисциплины. По сути это оказалось массовое движение протеста значительных слоев рабочего класса, несогласных с условиями труда, размером заработной платы.

В начале осени 1930 г. Информационным отделом ОГПУ (ИНФО ОГПУ) был подготовлен документ «Сводка материалов по вопросу об отношении рабочих и инженерно-техн[ического] персонала к обращению ЦК ВКП (б) от 3/IX 30 г.», в котором анализировались причины текучести рабочей силы по некоторым предприятиям СССР. В нем приводился один из ярких примеров — завод им. Петровского в Днепропетровске, где текучесть кадров оказалась столь кричащей. Отмечалось, что «за последних 3 месяца с завода уволилось свыше 4000 чел., из них до 800 рабочих с 5-летним и более стажем работы на данном предприятии (в прошлом квартале текучесть рабочей силы была вдвое меньше). До 1000 рабочих уволено за нарушение правил внутреннего распорядка. Значительная часть этих рабочих уволена фактически по собственному желанию, они умышленно делали прогулы, чтобы добиться увольнения»⁵.

Вряд ли можно причины огромной текучести рабочей силы на промышленных предприятиях страны в начале 1930-х гг. свести исключительно к морально-этическому состоянию новобранцев первых пятилеток. Безусловно, существовал слой индустриальных рабочих, которых голый энтузиазм и призывы идеологического характера совсем не волновали. В то же время значительные группы рабочих, лишенные материальных стимулов к производительному труду, уже не держались за свое рабочее место, как это было ранее при НЭПе. В 1920-е гг. реальная угроза голода, нищеты и безработицы была вполне осязаема.

Согласно информационным сводкам ОГПУ при СНК СССР, главными причинами забастовок в промышленности в 1929 г. и первой половине 1930 г. были плохие условия труда, снижение заработной платы, сокращение кадров. По свидетельству российского историка Е.А. Осокиной, из 22 забастовок, имевших место в первом полугодии 1930 г., только 4 были вызваны плохим продовольственным снабжением.

Красноречивым подтверждением того, что недовольство продовольственным обеспечением являлось одним из существенных факторов, который обострял недовольство властью в рабочей среде, является выступление одного из рабочих Усть-Боровского соляного завода: «Прежде чем говорить о поднятии производительности труда нужно досыта накормить рабочих. Мы каждый день недоедаем...»⁶.

Регионы, в которых была размещена текстильная промышленность страны, фактически на протяжении всех 1930-х гг. также оказались втянутыми в водоворот стачечной активности. Из всех забастовок на почве плохого продовольственного снабжения в текстильной промышленности самой крупной стала стачка на Телегинской ткацкой фабрике в Шуйском округе в апреле 1930 г. В ней приняло участие около 600 человек⁷.

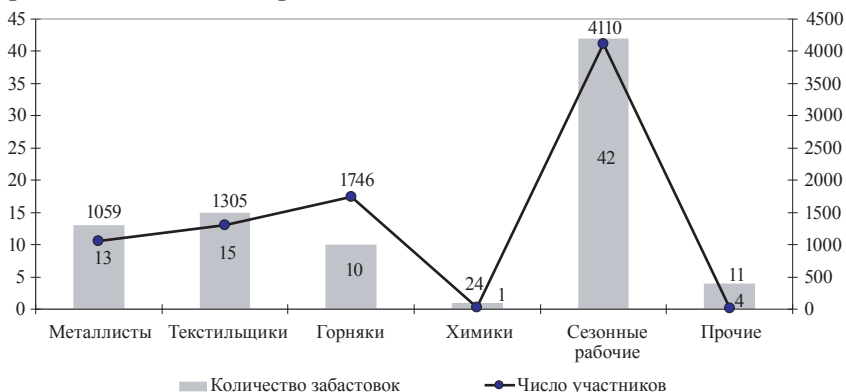
В целом, информация о забастовочной активности и количестве участников этих акций по отдельным отраслям народного хозяйства СССР в первом квартале 1930 г. представлена на рис. 1.

Обращает на себя внимание то, что среди бастующих количественно преобладают сезонные рабочие: 42 забастовки с 4110 участниками⁸. Сезонные рабочие оказывались самой взрывоопасной массой, в которой довольно часто вызревало острое

недовольство в отношении необустроенности их быта, условий труда, взаимоотношений с «начальством» и т.д.

В соответствии с докладной запиской отделов ОГПУ о конфликтах и забастовках на государственных предприятиях СССР, вызванных недовольством рабочих оплатой труда и задержками выдачи зарплаты, составленной в начале сентября 1930 г., рост числа забастовок в сравнении с 1929 г. объяснялся продовольственными трудностями (31 забастовка с 3928 участниками в 1930 г. против 13 с 1204 участниками в 1929 г.)⁹.

В документе особо отмечалась слабая политико-массовая работа партийных и профсоюзных органов, которая в большинстве случаев проводилась «вдогонку» уже свершившимся рабочим волнениям. Также упоминалось о деятельности анти-советских элементов («антисовэлементов»), которые, используя временные трудности на предприятиях, подстрекали рабочих к различным акциям протеста.

Рис. 1. Количество забастовок и их участников по отдельным отраслям народного хозяйства СССР в первом квартале 1930 г.

(Составлено по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 8, д. 662, л. 93)

В отдельных сводках ОГПУ цитировались тексты листовок, появлявшихся на некоторых предприятиях и стройках СССР. Например, в одном из общежитий Сталинградского края была обнаружена листовка следующего содержания: «Рабочие, нас морят голодом, нам сознательно не выплачивают заработной платы, мы порою не видим куска хлеба в то время, как власти

упиваются и обжираются на наш счет. Давайте скажем — долой таких борцов за рабочее дело»¹⁰.

Естественно, в условиях крутой ломки «сверху» сложившейся за годы НЭПа социальной структуры, а именно увеличение маргинальных слоев населения за счет разорившихся бывших хозяйчиков, покинувших деревню в поисках заработка крестьян, молодых рабочих, не прошедших горнило революции и гражданской войны, происходило разбавление рабочего класса элементами, для которых призывы к пролетарской сознательности были пустым звуком. Более того, свежие воспоминания о былом нэповском изобилии, городском и сельском необузданном веселье разительно диссонировали со скудным карточным снабжением, «закручиванием гаек» во всех сферах социально-политической жизни страны.

Таким образом, рабочий протест начала 1930-х гг. являлся объективным следствием не только и не сколько действий антисоветских элементов, но, прежде всего, базировался на объективных причинах: ухудшение продовольственного снабжения, высокие цены на рынках, задержки выплаты заработной платы, ее низкие размеры, невнимание администрации предприятий к насущным нуждам рабочих, слабая идейно-воспитательная работа на предприятиях. Немаловажную роль играли и условия социальной среды жизнедеятельности: нерешенность жилищной проблемы особенно в крупных промышленных центрах страны (Москве и Ленинграде), плохая работа общественного транспорта, уличная преступность и другие повседневные «неустроенности».

В 1930 г. ИНФО ОГПУ для высшего руководства СССР была подготовлена «Докладная записка по вопросам зарплаты на госпредприятиях»¹¹. В ней содержались обобщенные данные о числе забастовок и численности участников забастовочных акций в стране в период с января 1929 г. по август 1930 г.

Так, с января по август 1929 г. было зафиксировано 174 коллективных акции протеста, в которых приняло 15 707 человек. В январе–августе 1930 г. наблюдалось уже снижение числа забастовок до 147 случаев, а также количества участников до 11 833 человек¹².

В анализируемом документе обращает на себя внимание тот факт, что основными факторами, катализировавшими забастовочную активность в постнэповской России, являлись продо-

вольственные сложности и ухудшение снабжения городского населения в отдельных регионах страны, частые задержки в выдаче заработной платы, а также последствия массовой кампании по пересмотру тарифных окладов и нормирования труда.

Еще одной примечательной особенностью настроений в первой половине 1930 г. в отдельных трудовых коллективах страны являлось острое неприятие государственных мероприятий, как официально провозглашалось, в пользу коллективизации. Так, в спецсводку ИНФО ОГПУ № 12 от 10 марта 1930 г. попали события, которые произошли на фабрике № 10 «Московшвейя». Рабочие этого предприятия отказались от отработки в фонд коллективизации. Аналогичный факт имел место на ленинградском лесопильном заводе им. Калинина¹³.

На протяжении 1930–1931 гг. отраслевые профсоюзы буквально засыпали ВЦСПС телеграммами и служебными письмами с сообщениями о массовых отказах выхода на работу. Основная причина коллективных акций протеста на промышленных предприятиях практически повсеместно заключалась в задержках выплаты заработной платы. В мае 1930 г. рабочие Ревдинского металлообрабатывающего завода объявили забастовку из-за невыплаты заработной платы в течение двух месяцев¹⁴. В июне наблюдались массовые невыходы на работу шахтеров в угольном тресте «Луганскуголь»¹⁵. В июле бастовали рабочие семи угледобывающих шахт треста «Сталинуголь».

В целом задержки выплаты заработной платы в этот период на отдельных предприятиях СССР выступали в качестве основной причины рабочего недовольства, которое иногда находило свое выражение в форме стачек, отказов выходить на работу, «волынок». Поэтому центральная власть довольно резко реагировала на факты невыплат заработной платы. Так, в записке от 9 октября 1933 г. заместителя прокурора СССР А.Я. Вышинского на имя В.М. Молотова сообщалось о тех мерах, которые были предприняты органами прокуратуры для перелома ситуации в этой сфере. В документе содержалось следующее предложение: «Совместно с профорганизациями и РКИ проверить в центре и на местах случаи задержки выплаты заработной платы и виновных привлекать к уголовной ответственности, обеспечить срочное рассмотрение этих дел»¹⁶.

Однако, не смотря на жесткую линию контролирующих органов в отношении руководителей предприятий, на которых су-

ществовала задолженность по выплате заработной платы, ее так и не удалось ликвидировать ни в 1933 г., ни в 1934 г.

И все же исключительно невыплатами заработной платы объяснить коллективные акции протеста в среде промышленного пролетариата нельзя. Естественно, в каждом отдельном случае существовал свой комплекс причин, где одна или группа таких выступала доминирующими. Например, 20 августа 1930 г. был зафиксирован факт отказа 1050 рабочих (около 70% от всех работников предприятия) строительного участка Сталинградского тракторного завода от 10-ти часового рабочего дня¹⁷.

Акции коллективного протеста среди промышленного пролетариата, а особенно в этом преуспевали строительные рабочие, вынуждали территориальные партийные органы уделять этим фактам самое пристальное внимание. В секретном постановлении Московского Комитета ВКП (б) «Об улучшении массовой и внутрипартийной работы» от 6 октября 1930 г. в частности отмечалось: «Бюро МК подчеркивает, что работа среди строительных рабочих продолжает оставаться слабейшим участком работы парторганизаций. Это подтверждается имевшими место «волынками» среди строительных рабочих»¹⁸.

В письмах рабочих во властные структуры довольно часто содержался перечень конкретных причин недовольства трудящихся существующим положением в социально-трудовой и бытовой сферах. Так, например, в письме одного из рабочих Ленинградского завода «Большевик», зарегистрированного в Орготделе Президиума ЦИК СССР 15 сентября 1930 г., отмечался факт большой текучести кадров с завода из-за «неимения жилья»¹⁹.

1932 г. стал годом наиболее острого экономического кризиса. Во многих районах страны, особенно на Украине и Северном Кавказе, шла фактически локальная гражданская война, масштабы которой требовали отправки регулярных вооруженных сил, включая артиллерию и танки, против доведенного до отчаяния крестьянства. В регионах концентрации отечественной текстильной промышленности (город Иваново и Ивановская область) прокатились волны забастовок, вызванные совершенно невыносимыми условиями, в которых оказались рабочие. Не случайно эти факты вызвали серьезную озабоченность среди правящей элиты страны. 5 апреля 1932 г. начались волнения

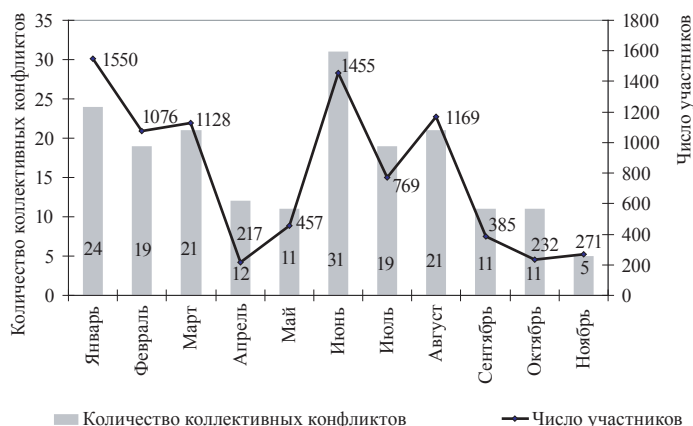
на текстильной фабрике им. Ногина в г. Вичуге. Спустя четыре дня к забастовщикам Ногинской фабрики присоединились все текстильные предприятия города. 10 апреля события приобрели чрезвычайно острый характер. Толпа бастующих двинулась к центру города, где разгромила здание местного управления милиции, захватила здания, в которых размещались территориальные отделения ГПУ и райком ВКП (б). В соответствии с официальными отчетами, которые были составлены сразу же после прекращения волнений в Вичуге: один демонстрант был убит, один — ранен, пятнадцать милиционеров получили тяжелые ранения, еще несколько десятков сотрудников органов внутренних дел и несколько руководителей района — легкие ранения.

Для урегулирования конфликтной ситуации 12 апреля в этот город прибыл один из высших руководителей партии большевиков Л.М. Каганович. Используя методы «кнута» и «пряника», властные структуры смогли погасить эту акцию социального протеста. Тем не менее, забастовки в Вичуге дали толчок массовым выступлениям и в ряде других населенных пунктах Иваново-Вознесенской промышленной области²⁰. Все это свидетельствовало о наличии серьезного протестного потенциала среди промышленного пролетариата СССР, не смотря ни на какие уверения официальной советской пропаганды о сознательности пролетариата, созидającego социализм.

На протяжении всех 1930-х гг. органы государственной безопасности продолжали тщательно отслеживать даже самые незначительные факты рабочего протеста и недовольства в рабочей среде. Эта информация содержится в специальных справках и сводках Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ, затем секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД. Анализируя эти документы, бросается в глаза то обстоятельство, что преобладающей формой протеста среди промышленных рабочих, начиная с 1934 г., выступают «волынки». В соответствии со спецсправкой за февраль 1934 г. на промышленных предприятиях страны за первый месяц текущего года было отмечено 24 «волынки» с количеством участников 1550 человек. Здесь же отмечалось, что в декабре 1933 г. произошло 16 «волынок» с 621 участником. Большинство таких выступлений отмечено в Ивановской промышленной

области, на Средне-Волгострое, на предприятиях местной промышленности, торфяных разработках²¹.

В целом, по данным ОГПУ за период с 1 марта по 20 июня 1934 г. было зафиксировано 80 коллективных акций протеста на предприятиях и стройках СССР. В них приняло участие 3143 участника²². Динамика коллективных акций рабочего протеста и численность их участников за период с января по ноябрь 1934 г. представлена на рис. 2.

Рис. 2. Динамика числа коллективных трудовых конфликтов и количества участников в промышленности и на стройках СССР за 11 месяцев 1934 г.

(Составлено по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 3, оп. 1, д. 32, лл. 20, 36, 42, 68, 75, 85, 92, 99)

Анализируя эти данные можно обратить внимание на следующее. Общее количество забастовок и «волеынок» среди промышленных рабочих и в строительстве составило 185 случаев, участие приняло 8707 человек²³. В первой половине 1930-х гг. угледобывающие районы Донбасса как проблемные с точки зрения стачечного движения и других форм рабочего недовольства фактически не исчезали из сводок различных органов, направляемых с мест в Москву.

Не случайно, как реакция Советского правительства на факты коллективных акций протеста промышленных рабочих в угледобывающих регионах был издан ряд законодательных актов, призванных повысить персональную ответственность руководи-

телей промышленных предприятий за состояние производственной дисциплины, работу с письмами, обращениями и жалобами работников предприятий²⁴.

Однако только законодательными актами дело не ограничилось. В целях предотвращения забастовок на промышленных предприятиях Донбасса органы ОГПУ начали осуществлять мероприятия по «очистке» угледобывающих предприятий от «социально чуждых» элементов. Так, в 1933 г. с угольных шахт Донбасса было уволено 18 346 бывших кулаков; по паспортному режиму уволено 5337 человек²⁵.

Довольно часто рабочие угледобывающих и металлургических предприятий жаловались на «безобразное состояние общежитий и отсутствие культурно-массовой работы в них»²⁶. Это, например, было зафиксировано в постановлении Донецкого обкома КП(б)У по жалобе рабочих Краматорского завода им. Сталина о плохих жилищно-бытовых условиях для проживания в общежитиях от 29 ноября 1937 г.

Согласно приказу № 1223 от 13 сентября 1934 г. Наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе, на ряде предприятий отрасли «имели место обчеты рабочих при выплате им заработной платы». На данные проявления начальственного волюнтаризма последовала весьма жесткая реакция власти — виновные в данных нарушениях были сняты с должностей и их дела были переданы в суды²⁷.

Проанализированные доступные архивные документы второй половины 1930-х гг., в которых, так или иначе, упоминаются отдельные проявления коллективных трудовых конфликтов, позволяют обратить внимание на следующее обстоятельство. Во-первых, накал открытого трудового недовольства в этот период в сравнении с предшествующим бурным десятилетием НЭПа оказался гораздо слабее. Во-вторых, выступлений, в которых в различных формах мелькал антисоветский подтекст, в спецводках также стало фиксироваться значительно меньше.

Безусловно, И.В. Сталину удалось остановить процесс стремительного падения авторитета власти в глазах широких народных масс. И это было осуществлено не только мерами насилия и тотального террора: глубокие и масштабные изменения происходили в самой структуре рабочего класса.

Индустриальные новобранцы 1930-х гг. представляли собой своеобразный «котел», в котором «вываривалась» не всегда удобная для властей социально-трудовая масса. Проявления рабочего недовольства во многих случаях базировались на бытовой необустроенности, несоответствии предлагаемых работ уровню квалификации и профессиональной подготовки. Данные факторы создавали питательную среду для возникновения коллективных конфликтов. В отдельных случаях провоцирование рабочего недовольства списывалось на счет хулиганских элементов. Забегая вперед можно сказать, что это явление будет неоднократно повторяться на ударных стройках 1950 г.–первой половины 1960-х гг.²⁸

Для анализа особенностей трудовых конфликтов конца 1930 г.–начала 1940-х гг. можно обратиться к довольно примечательному документу — докладной записке прокурора СССР В.М. Бочкова председателю СНК В.М. Молотову от 13 сентября 1940 г. В ней приводятся отдельные случаи коллективных акций протеста на промышленных предприятиях и стройках страны: на Кирово-Чепецкой ТЭЦ, на строительстве военного объекта в Севастополе, в стройтресте Сталинградской области, на кондитерской фабрике в Белоруссии²⁹.

К концу 1930-х гг. в сознании и поведении рабочей массы произошли серьезные изменения. Под воздействием массовой агитации и пропаганды в эту социальную группу было внедрено убеждение о своей авангардной роли, особом месте в деле социалистического строительства. Передовой рабочий стал изображаться как образец производственника, общественника, непримиримого борца с антигосударственными проявлениями, наконец, семьянина. Безусловно, пропагандистские усилия партийных и государственных органов не прошли даром. Они имели свой эффект для значительной массы советского общества.

В то же время рабочий класс, стремительно выросший за годы первых пятилеток, был отнюдь не однородной массой. Да и производственная дисциплина на многих предприятиях к концу 1930-х гг. отнюдь не стала образцовой. Об одном из таких фактов упоминалось в докладной записке секретаря Московского Комитета партии в ЦК ВКП (б) от 10 января 1939 г. В документе, в частности, говорилось, что на одном из крупнейших предприятий Москвы — литейно-механическом заводе им. Ка-

гановича — только за первую неделю 1939 г. прогул совершили 76 человек. Из этого числа за данный проступок были уволены 24 человека. Другие нарушители отделались выговорами³⁰.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» вызвал далеко не однозначную реакцию среди трудящихся страны. Наряду с принятием данного весьма жесткого по тону и санкциям за нарушение правительственных предписаний документа, органы НКВД фиксировали и факты негативного отношения. Несогласие с этими нормами находило свое выражение и в обычных случайно оброненных репликах простых обывателей, и в отдельных производственных конфликтах, как это имело место в 25 стройтресте Сталинградской области³¹.

Указ от 26 июня 1940 г. сразу же после его принятия с типичным советским бюрократическим рвением начал реализовываться на практике. Так, только за первые два месяца действия этого нормативного акта по данным Прокуратуры СССР были привлечены к уголовной ответственности за прогулы 552 675 человек, за самовольных уход с предприятий и учреждений 87 856 человек³².

В таблице приведены сведения о первых итогах исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» по республикам страны³³.

К концу сентября 1940 г. судебная машина по реализации этого нормативного акта продолжала набирать обороты. В соответствии с данными, представленными прокурором СССР В.М. Бочковым в ЦК ВКП (б) на имя Г.М. Маленкова, по СССР в суды было передано дел на 1 082 216 человек. К этому времени за проступки, подпадающие под действие указа, было осуждено 906 824 человека, в том числе за прогул 755 440 человек, за самовольный уход с работы 131 718 человек, за покровительство прогульщикам — 2949 человек³⁴.

Насколько масштабными оказались репрессии в отношении граждан, нарушивших трудовую дисциплину в соответствии с указом от 26 июня 1940 г.?

**Число осужденных по Указу Президиума Верховного
Совета СССР от 26 июня 1940 г. по республикам СССР
по состоянию на 15 сентября 1940 г.**

Союзная республика	Количество осужденных, чел.
РСФСР	667 740
Украинская ССР	166 507
Белорусская ССР	30 772
Казахская ССР	25 202
Туркменская ССР	4 406
Киргизская ССР	5 745
Таджикская ССР	3 366
Армянская ССР	4 596
Узбекская ССР	16 538
Азербайджанская ССР	20 967
Грузинская ССР	14 336
Карело-Финская ССР	6 769

Для ответа на этот вопрос необходимо сопоставить динамику граждан, осужденных судами для отбывания на принудительных работах без лишения свободы (именно такие приговоры выносились в отношении тех лиц, против тех, кто нарушал указ от 26 июня 1940 г.). Эти статистические сведения представлены в работе отечественного историка В.Н. Земскова, наиболее авторитетного специалиста по вопросам ГУЛАГа и репрессивной политики в СССР в 1930–50-е гг. В своей статье «Заклученные в 30-е гг. (демографический аспект)» он приводит следующие сведения: «Наряду с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили так называемые «Бюро исправительных работ» (БИРы), задачей которых являлась не изоляция осужденных, а обеспечение выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных к отбыванию на принудительных работах без лишения свободы, В марте 1940 г. на учете БИРов ГУЛАГа состояло 312 800 человек, осужденных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы. Из их состава 97,3% работали по месту своей основной работы, а 2,7% — в других местах, по назначению органов НКВД»³⁵.

И далее, рассматривая происходившие изменения в структуре контингента осужденных в СССР накануне Великой Отечественной войны, автор констатирует следующее. Спустя несколько месяцев численность этой категории осужденных резко возросла, что было следствием Указа Президиума Верховного Совета СССР

от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», введшего уголовную ответственность за самовольный уход с предприятий и из учреждений, за прогулы и опоздания на работу на 21 мин. и более. Большая часть этих «указников» приговаривалась к исправительно-трудовым работам по месту основной работы сроком до шести месяцев и с удержанием из заработной платы до 25%.

К началу Великой Отечественной войны на учете БИРов ГУЛАГа находилось 1 264 тыс. лиц, приговоренных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы. В их числе осужденные по Указу от 26 июня 1940 г. составляли подавляющее большинство³⁶.

Чем можно объяснить такое массовое применение указа от 26 июня 1940 г.?

Во-первых, после того как через месяц после обнародования указа руководство страны ввело упрощенную процедуру его применения, этот закон стал легким для исполнения. Администрация заводов и учреждений могли передавать в распоряжение судей материалы по конкретным фактам правонарушений, а судьи очень быстро выносить по ним надлежащие решения.

Конечно, летуны, которые уезжали в другие города или прятались от правосудия, могли избегать (и порой избегали) осуждения. Хотя укреплявшаяся система паспортного режима серьезно этому препятствовала. Заводская администрация также сознательно недосматривала многих прогульщиков. Показывая факты нарушения трудовой дисциплины, руководство предприятий и учреждений вольно или невольно расписывалось в собственной неспособности создать атмосферу высокой требовательности и классовой сознательности. Поэтому применение указа имело довольно противоречивые результаты.

Во-вторых, отдельным прокурорам и судьям неисполнение требований указа грозило серьезными последствиями. Руководители крупных заводов и предприятий стратегического значения также находились под угрозой уголовных преследований. Наказывая прогульщиков и самовольно уходящих с работы лиц, судьи должны были оправдывать ожидания, возлагавшиеся на них государственно-партийным руководством, а также достигать требуемых показателей.

Как только давление спало, судьи также нашли средства для того, чтобы заглушить жестокие последствия указа от 26 июня 1940 г. Даже в момент апогея кампании около 20% их приговоров выпадало из пределов нормы. При отсутствии давления доля подобных приговоров увеличивалась. Более того, к 1941 г. удельный вес оправдательных приговоров по делам этой категории составлял в среднем одну четверть. Эта цифра вдвое превышала показатель по другим видам преступлений.

Многие из оправдательных приговоров были отражением того, что заводские чиновники не могли своевременно представить необходимые документы, доказывавшие правонарушения своих работников. По мнению прокуроров того времени, судьям просто нравилось находить предлоги технического порядка.

Великая Отечественная война внесла коррективы в еще большее ужесточение государственной, производственной и трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях страны.

Однако недовольство рабочих промышленных предприятий в отдельных регионах страны приобретало формы коллективных акций протеста. В конце августа, сентябре и октябре 1941 г. на девяти текстильных предприятиях Ивановской области состоялись акции протеста в формах волнений, забастовок, массовых невыходов на работу³⁷.

Фактически по горячим следам, уже в первой декаде сентября 1941 г. сотрудниками Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП (б) было составлена докладная записка на имя заместителя заведующего отделом Шамберга «О положении на текстильных предприятиях Ивановской области»³⁸.

В документе были основательно рассмотрены и конкретизированы основные проблемы, нерешенность которых способствовала возникновению взрывоопасной ситуации на некоторых текстильных предприятиях Ивановской области.

Так, были выделены следующие причины рабочего недовольства: снижение заработной платы у квалифицированных ткачей (с 800 р. в довоенное время до 400 р. к осени 1941 г.), ухудшение продовольственного снабжения (в продаже отсутствуют продукты первой необходимости, за хлебом выстраиваются большие очереди), нетерпимое состояние общественного питания на фабриках, невнимание руководства обследованных текстильных

предприятий, партийных органов к насущным нуждам рабочих, исключительная запущенность агитационно-массовой работы на фабриках, в рабочих общежитиях.

Также в документах военного времени фиксировались проявления трудового дезертирства с различных предприятий. В докладной записке председателя Госплана СССР Г.П. Косяченко на имя заместителя председателя Совета Министров СССР В.М. Молотова от 6 марта 1944 г. констатировалось, что согласно данным Наркомугля, в угольной промышленности (за исключением Донбасса) из общего числа занятых 34 тыс. работников только в четвертном квартале 1943 г. самовольно оставили предприятия 11 тыс. трудящихся³⁹.

В письме заместителя председателя Комитета по учету и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР Л.И. Погребного народному комиссару среднего машиностроения С.А. Акопову о большой заболеваемости и текучести среди рабочих, проживающих в общежитиях Томского подшипникового завода от 7 июля 1944 г. отмечалось следующее: «За 1943 год и в первом полугодии 1944 г. неявки по болезни составляли 40% от общего числа невыходов на работу. За этот же период прибыло на завод рабочих 1008 человек, а убыло 999 человек, из них 300 человек дезертировали»⁴⁰.

Самовольные уходы в годы войны допускали не только рабочие с предприятий, но и учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО. Так, согласно сведениям Управления трудовых резервов Горьковской области о причинах самовольных уходов учащихся из ремесленных училищ и школ ФЗО, составленной в 1943 г., вырисовывалась следующая картина. «Если до войны количество самовольно ушедших из училищ и школ исчислялось единицами, то в дни войны эти уходы в некоторые месяцы исчисляются десятками и даже сотнями. Так, из ремесленных училищ за январь месяц ушло 90 человек (общий контингент учащихся 26 000 человек), за февраль месяц — 54 чел., за март — 212 чел. Из школ ФЗО за апрель месяц ушло свыше 300 чел.: часть из них возвращена обратно в училища и школы, другая часть до сих пор проживает у родителей»⁴¹.

Вряд ли следует дезертирство с предприятий или бегство учащихся профтехучилищ и школ ФЗО из своих учебных заведений в эти суровые годы считать акциями протеста (возможно и такая

мотивация была у отдельных лиц, этого исключать нельзя). Причины этого явления крылись во все тех же прозаических побуждениях, что и на протяжении всех 1930-х гг.: неудовлетворительные, а иногда ужасающие жилищные и бытовые условия, плохое продовольственное снабжение и т.д.

Выше упомянутый В.Н. Земсков уточняет, что по состоянию на 1 декабря 1944 г., всего имелось в наличии 770 тыс. осужденных за различные преступления к исправительно-трудовым работам без лишения свободы, из них 570 тыс., или 74%, — по Указу от 26 июня 1940 г.⁴²

Несомненно, одной из причин рабочего недовольства в годы войны являлись совершенно несоразмерные цены на колхозных рынках и всевозможных «толкучках», на которых можно было приобрести все дефицитные промышленные товары и продукты.

О послевоенном периоде имеется лишь отрывочная информация об акциях коллективного трудового протеста. Это явление получит сильный импульс после смерти И.В. Сталина. Видимо протест в отношении существовавших социально-экономических условий жизни приобрел формы индивидуальных обращений и жалоб в государственные, партийные, профсоюзные органы. Статистика жалоб, поступивших в профсоюзные органы за два послевоенных года, свидетельствует о постоянном увеличении числа обращений в эти органы. Так, в 1945 г. в ВЦСПС поступало в день в среднем 40 жалоб, в 1946 г. их уже было 78, а за январь–апрель 1947 г. — 110 жалоб и просьб от трудящихся⁴³.

Анализ направляемых в профсоюзные органы жалоб сводился к таким вопросам как неправомерное увольнение, недовольство оплатой больничных листов, условий и режима труда, недовольство рабочим снабжением, оказание материальной помощи и выделение санаторно-курортных путевок.

Несмотря на то, что уже к концу 1940 г. ударная кампания по борьбе с прогулами сошла на нет, преследования за прогулы и за самовольный уход с работы в годы Великой Отечественной войны продолжались в значительном объеме. Даже при заниженных темпах применения в 1943, 1944 и 1945 гг. ежегодно регистрировалось более миллиона осуждений по указу (преимущественно, за прогулы). Даже в 1945 г. осуждения по статьям указа все еще составляли 51,5% всех уголовных приговоров по СССР в целом.

После окончания войны указ от 26 июня 1940 г. продолжил спорадическое существование. Судебные преследования за прогулы резко сократились, хозяйственники видели все меньше причин для следования жестким санкциям указа.

В конце 1940-х гг. возродились судебные преследования за незаконный уход с работы, что было отражением как заинтересованности хозяйственных руководителей в удержании рабочих в условиях жестокой нехватки рабочей силы, так и политики власти по контролю над трудящимися массами во время послевоенного возрождения народного хозяйства.

Применение упрощенных процедур являлось необходимой мерой для того, чтобы судебно-прокурорские работники могли оперативно обрабатывать новый наплыв уголовных дел. В то же время эти мероприятия нанесли урон усилиям по упорядочению дел в судебной сфере.

Более того, расширение уголовного наказания за пределы его привычного применения привело к непоследовательному и несколько хаотическому применению указа на практике. Это стало характерной особенностью как для периода самой кампании, так и после ее завершения. Как только кампания подошла к концу, хозяйственники стали игнорировать указ, но многие руководители предприятий, находившиеся под пристальным вниманием властей, допускали чрезмерное рвение в исполнении этого нормативного акта. Частичное ослабление преследований наступило только в 1951 г.

Сведения о коллективных акциях протеста промышленных рабочих в конце 1940-х—начале 1950-х гг. обрывочные и неполные. Согласно информации А.И. Прищепы, на отдельных предприятиях Свердловской области имели место коллективные отказы от выполнения работ в 1949-м г. и в последующие годы⁴⁴. В июле и августе 1953 г. наблюдались беспорядки и забастовки на шахтах № 29 и «Капитальная» в Воркуте. Позднее забастовочную эстафету подхватили горняки шахты № 18 и строители ТЭЦ на Аяч-Яге. Эти выступления были подавлены органами внутренних дел⁴⁵.

В целом, десятилетия, следовавшие после свертывания НЭПа, характеризовались дальнейшим, усилением государственного воздействия на сферу труда и занятости населения⁴⁶. Что касается укрепления трудовой дисциплины, то мероприятия, предпри-

нятые государством на этом направлении, оказались действительно беспрецедентными. При этом вряд ли будет исторической истиной все сводить «злому гению» И.В. Сталина. Если смотреть глубже, то можно увидеть то, что 1930-е гг. были не только периодом действительно масштабных государственных перемен: индустриализация, коллективизация, культурная революция, но и своеобразной антитезой всему периоду «допущения капиталистических элементов». Новая экономическая политика ежедневно, даже ежечасно порождала массу противоречий, которые быстро переплетались и затягивались в крепкие узлы. Ни один из периодов существования советской экономики не знал такой массы негативизма, который выплеснулся в социально-трудовой сфере в 1920-е гг.: галопирующая особенно в первые годы этого десятилетия безработица, переток части квалифицированной рабочей силы к частникам, все возрастающая забастовочная активность рабочего класса.

При этом необходимо добавить, что идейный и морально-нравственный облик советского рабочего конца 1920 г.–начала 1930-х гг. оказался далек от того «сусального» образа, который в последующем был сформирован сталинским кинематографом и литературой и многократно повторен советской идеологической машиной в последующие десятилетия. Причем идеологические штампы и клише настолько хорошо были сработаны, что хрущевские и брежневские поколения советских людей и помыслить не могли о самой возможности забастовок пролетариата в первой стране победившего социализма.

Между тем забастовки и другие акции протеста на почве недовольства собственным социально-экономическим положением с начала 1930-х гг. не прекратились, хотя их интенсивность не шла ни в какое сравнение с предшествующим десятилетием. Что лежало в основе затухания протеста промышленных рабочих с начала 1930-х гг.? И опять же, на наш взгляд, самым простым объяснением было бы утверждение о начале развязывания в стране атмосферы тотального террора и всеобъемлющего страха. Действительные причины кроются в совокупности обстоятельств.

Прежде всего, обнаруживается следующее. Не последнюю роль в подпитке недовольства в промышленных центрах сыграли продовольственные трудности, возникшие с началом осуществления индустриализации. Однако уже к середине 1934 гг. острота

продовольственной проблемы была решена. На протяжении второй половины 1930-х гг. продуктовое и промтоварное снабжение городов постепенно улучшалось. На смену бросавшемуся в глаза имущественному и социальному неравенству 1920-х гг. вновь вернулось былое равенство. Хотя это и было равенство большинства советского общества в нищете. Незначительная часть советского общества (партийно-государственная элита, часть научных и творческих работников) жили в полном достатке и комфорте. Но это не выпячивалось, более того тщательно маскировалось. Так что остальной части общества не было возможности сравнивать свое положение с узким слоем высокостатусных групп. А о том, как жили в спокойные годы при царском самодержавии, помнили уже немногие, да и вспоминать было не безопасно.

В 1930-е гг. был нанесен сокрушительный удар по расхитителям народного имущества (хотя не всегда под него попадали действительно виновные). С точки зрения безопасности в советских городах стало несравнимо спокойнее, нежели в бурные годы НЭПа.

Все эти обстоятельства оказались самыми весомыми аргументами для простого городского обывателя, труженика с рабочей окраины. Против кого было теперь бастовать? Против родной власти, которая прилагает невиданные усилия по подъему «народного благосостояния», да еще и в условиях враждебного капиталистического окружения?! Примерно так можно реконструировать пласт массовой психологии широких трудящихся масс в отношении трудовых отношений в 1930-е гг.

Таким образом, постепенное угасание протестной активности рабочих со второй половины 1930-х гг. явилось следствием многофакторного воздействия, которые в отдельных случаях довольно противоречиво переплетались и сосуществовали. Это и усиление репрессивной политики в отношении зачинщиков и участников коллективных акций протеста, с одной стороны, и курс на всемерное вовлечение передовых рабочих в управление предприятием и в государственные органы, с другой.

Нельзя также игнорировать и социальные мероприятия Советского правительства, осуществленные в это десятилетие: постепенный рост заработной платы широких слоев промышленного пролетариата, решение вопросов с выделением земель под огороды в пригородах крупных городов, нормализация продовольственного

снабжения городского населения, беспрецедентный удар по спекуляции и уголовной преступности, чистка государственного аппарата и усиление государственной дисциплины на всех участках.

Нельзя забывать еще об одном факторе, который стал постоянным спутником советской повседневности с середины 1930-х гг. На фоне постоянно осложнявшейся международной обстановки, когда в воздухе явственно веяло войной, мероприятия партии и правительства по ужесточению трудового законодательства большинством людей рассматривались как естественный ответ потенциальным внешним агрессорам, как удар по внутренним врагам или жесткая и вынужденная мера воздействия на собственных несознательных граждан.

Примечания

¹ См.: Пашин В.П., Богданов С.В. Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006.

² Цит. по: Солдатенков В.П. Политика в условиях тоталитаризма 1930-х годов // Общество и власть в истории России: сборник научных трудов. СПб., 1999. С. 57.

³ Правда. 1932. 31 мая.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558, оп. 11, д. 77, лл. 12, 12 об. (сохранена орфография оригинала)

⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2, оп. 8, д. 658, л. 179.

⁶ Там же, оп. 2, д. 674, лл. 7, 8.

⁷ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998. С. 80–81.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 8, д. 662, л. 93.

⁹ Там же, д. 660, л. 590–591.

¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3, оп. 1, д. 32, л. 95. Машинописный подлинник. Сохранена орфография оригинала.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 8, д. 660, л. 600.

¹² Там же, л. 590.

¹³ Там же, д. 655, л. 232–240.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-5451, оп. 14, д. 166, л. 32.

¹⁵ Там же, л. 37.

¹⁶ Там же, ф. 5446, оп. 14, д. 14626, л. 1.

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 8, д. 665, л. 70.

- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 86, д. 97, л. 16.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 3316, оп. 1, д. 446, л. 448.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 81, оп. 3, д. 213, лл. 3–7, 64–65, 77–78, 93.
- ²¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3, оп. 1, д. 32, лл. 10, 11.
- ²² Там же. Ф. 2, оп. 2, д. 32, оп. 1, л. 45.
- ²³ Там же. Ф. 3, оп. 1, д. 32, лл. 20, 36, 42, 68, 75, 85, 92, 99.
- ²⁴ См.: Постановление ЦИК СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся и принятия по ним необходимых мер», 13 апреля 1933 г. // СЗ СССР. 1933. № 26. Ст. 153; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса», 26 апреля 1937 г. // СЗ СССР. 1937. № 28. Ст. 114.
- ²⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 2, д. 32, оп. 1, л. 33.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. р-5451, оп. 21, д. 115, л. 10. Машинописный экземпляр.
- ²⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7297, оп. 1, д. 54, л. 97.
- ²⁸ См. подробнее: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953 г.–начало 1980-х гг. Новосибирск, 1999.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. р-8131, оп. 37, д. 342, лл. 166, 167.
- ³⁰ Центральные архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3, оп. 51, д. 5, л. 2.
- ³¹ ГАРФ. Ф. р-8131, оп. 37, д. 342, л. 167.
- ³² Там же, л. 165.
- ³³ Там же, л. 168.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы (демографический аспект) // Социологические исследования. 1996. № 7. С. 13.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Точенов С.В. Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // Отечественная история. 2004. № 3. С. 42–47.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 88, д. 45, лл. 37–50.
- ³⁹ Там же. Ф. 82, оп. 2, д. 797, л. 63.
- ⁴⁰ РГАЭ. Ф. 8115, оп. 8, д. 285, л. 40.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 88, д. 601, л. 108.
- ⁴² См.: Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; 1991. № 7. С. 10–27.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. р-5451, оп. 34, д. 20, лл. 119, 120.
- ⁴⁴ См.: Прищепа А.И. Забастовки на Урале в 1940–1960 годах // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 135–137.
- ⁴⁵ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 185.
- ⁴⁶ См.: Пашин В.П., Богданов С.В. От «коммунарий» к безработице. Государство и трудовые ресурсы в России (конец XIX–конец XX вв.). В 2-х ч. Курск, 2004.